

Казахстан рискованно затягивает с обретением собственного лица

(беседа с корреспондентом газеты «Экспресс К» Канатом Абдрахмановым)

- Кенжегали Абенович, прежде чем задавать вопросы, позвольте поздравить вас с присвоением Кембриджским биографическим центром звания "Человек 1992 года".

- Спасибо.

- Каково ваше мнение о правительственной программе углубления реформ, обсуждаемой на сессиях Верховного Совета Казахстана?

- Основное достоинство программы, на мой взгляд, заключается в том, что она предполагает формирование и проведение собственной экономической политики. И это несмотря на имеющуюся сильнейшую зависимость Казахстана от других стран СНГ. Далее программа еще раз провозглашает курс правительства на продолжение и углубление реформ.

В то же время не могу не высказать и некоторого разочарования. Об этом документе как о программе можно говорить с большой натяжкой. Строго говоря, это всего лишь намерения. Более того, я слышал, что один из разработчиков этого документа признался на Верховном Совете, что программа представляет собой в основном намерения правительства.

Но почему очередные намерения, а не реальная и конкретная программа? Разве недостаточно "Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства", где провозглашены цели нашей политики, в том числе социально-экономической и где не менее убедительно обоснованы последовательность и этапы достижения этой цели. Какие еще нам нужны намерения?

Мое разочарование данной программой связано еще и тем, что она, программа, разрабатывалась, по меньшей мере, месяцев пять. Об этом заявлялось неоднократно. Этого времени должно было хватить не только на размышление, но и на выработку конкретных предложений.

- Может быть, команда разработчиков была не той?

- Я не хотел бы комментировать действия этой команды, тем более что я не знаю ее точного состава. Но не могу не сказать о перекосах, путанице и отсутствии единого руководства экономикой республики. В Казахстане явно обозначились два центра экономического руководства. Один - структуры, подведомственные вице-президенту, другой - собственно правительства. Первый преимущественно разрабатывает программы и концепции, второй занимается их реализацией. Есть еще комитеты Верховного совета, которые тоже разрабатывают ту или иную экономическую политику. Это не может не приводить к рассогласованности в их действиях. Не определена ответственность. Да оно и понятно: когда руководящих центров много, да к тому же от них поступают разноречивые команды, исполнителям легче уходить от ответственности. Что чаще всего и наблюдается на практике. Многие весьма не плохие решения до сих пор не воплощены в жизнь.

В связи с командой разработчиков напрашивается и другой вопрос. Кто из членов правительства входит в состав этой команды - все правительство или один-два человека? Мне представляется,

что настало время назвать авторов и исполнителей экономических программ. И той, что ныне обсуждается парламентом, и тех, что принимались ранее, но не были выполнены. Иначе нам не уйти от безответственности.

- Но разве не Президент Казахстана отвечает за экономическую политику и ее эффективность?

- Верно, но в то же время не совсем точно. Президент, как глава государства, вырабатывает стратегию развития общества, в том числе и экономическую. Она у нас есть, достаточно продуманная и дальновидная. Это громадная работа, проделанная Президентом. Однако выработка конкретных механизмов реализации этой стратегии должна лечь на плечи правительства. В этом смысле Президент должен в определенной степени дистанцироваться от правительства, иначе ему трудно спросить у правительства, у отдельных его членов о результатах работы. Трудно будет подбирать соответствующих исполнителей. Словом, решение далеко не всех экономических проблем нужно переадресовывать Президенту. Президент должен иметь пространство для свободы действий. Возможность для замены "не тянущих воз". Остановить время для решения проблем политической стабильности, международного согласия, укрепления авторитета республики на международной арене.

- Кенжегали Абенович, вы - доктор экономических наук, ректор Экономического университета. На ваш взгляд, в какой стороне наш выход из кризиса?

- Некоторые из актуальных мер, необходимых для выхода из кризиса, названы в упомянутой программе. На первом этапе они сводятся к обузданию инфляции, снижению ее до возможно минимального уровня, приостановлению спада производства, продолжению приватизации, поддержке социально уязвимых слоев населения. Все это разумно. Но в то же время все эти намерения могут остаться всего лишь намерениями.

Возьмем, к примеру, борьбу с инфляцией. В правительственной программе говорится, что будет осуществлен комплекс мер по сохранению дефицита госбюджета на уровне 3-5 процентов от валового национального продукта. Это было бы прекрасно, но как добиться этого? За десять месяцев прошедшего года произведенный национальный доход уменьшился на 17,4 процента. Какой будет динамика уменьшения в наступившем году? Или спад производства планируется полностью ликвидировать? Ответа в программе нет.

Вынесенный на утверждение парламента госбюджет имеет дефицит в 132,4 миллиарда рублей, или 10,3 процента к его объему. Вроде бы это не очень плохо. Но Верховный Совет недавно принял к рассмотрению несколько важных социальных программ. В случае одобрения они потянут минимум на 200 миллиардов рублей, а дефицит бюджета возрастет соответственно до 300-350 миллиардов рублей. Где взять средства для покрытия, за счет уменьшения каких расходов?

В программе выражено намерение правительства проводить жесткую кредитную политику. Но как это согласуется с недавним решением Верховного Совета о дополнительной кредитной эмиссии на 400 миллиардов рублей, принятым по просьбе правительства и Нацгосбанка? И это при том, что прошло всего около трех месяцев

после принятия Президиумом Верховного Совета решения о кредитной эмиссии в 160 миллиардов рублей. Республика наводнена пустыми деньгами, мы находимся на пороге гиперинфляции. О какой жесткой кредитной политике можно говорить, если мы с такой легкостью решаемся на многомиллиардные дополнительные эмиссии?

В программе есть слова о введении в действие механизмов банкротства. Хорошая идея. Но сколько в наступившем году государство сэкономит средств, прекратив финансовую поддержку потенциальных банкротов? Какие это предприятия, какие отрасли? Почему мы не решаемся назвать их, почему бы их не предупредить? Вероятно, это заставило бы их более энергично перестраиваться.

Все, что я комментировал, это меры правительства по обузданию инфляции. Увы, они расплывчаты, не конкретны, взаимно не согласованы, порой даже противоречивы. Поэтому уверенности в том, что мы справимся с инфляцией и стабилизируем ситуацию, увы, нет.

- Будем надеяться, что наша критика дойдет до ушей правительства. Впрочем, так же, как и созидательные предложения, которые, уверен, у вас есть.

- Мне думается, что для проведения экономической политики, всецело ориентированной на интересы Казахстана, необходима реализация следующих мер.

Введение собственной валюты. Сформирование идеологии и механизмов создания единой казахстанской экономики. Определение с тремя-четырьмя приоритетными государственными программами и сосредоточение усилий на их реализации. Отработка модели двухсекторной экономики и изменение соотношения государственного и частного секторов в пользу последнего. И, естественно, разработка хорошо отлаженного механизма социальной защиты населения.

По поводу национальной валюты. Единого экономического пространства в рамках бывшего СССР уже давно нет, и не похоже, что единство это удастся слепить. А без него рубль теряет, уже теряет роль общей валюты. У нас никогда не было эффективной денежно-кредитной системы, этих кровеносных сосудов экономики. Ее необходимо создавать на основе собственной валюты. Она нужна нам и как платежное средство, и как таможенный барьер на пути неконтролируемой утечки наиболее важных ресурсов Казахстана за его пределы. Без собственной валюты мы практически не решим проблемы ее конвертируемости, а без этого многие наши сделки с зарубежными партнерами будут оставаться ущербными. И, наконец, при продолжающемся развале денежного хозяйства любые меры по укреплению исполнительной власти будут обречены на провал. В сегодняшних условиях твердая власть - это, прежде всего, твердые деньги.

Все это отнюдь не означает, что мы разрываем связи с республиками СНГ, в первую голову с Россией. Наоборот, на базе собственных валют мы сможем строить цивилизованные рыночные отношения с ближним зарубежьем. Россия, судя по последним публикациям, уже понимает это и предлагает сделать рубль общей резервной валютой для стран СНГ, стремящихся остаться в рамках единого экономического пространства.

Создание национальной казахстанской экономики – это решение проблемы экономической безопасности Казахстана, защищенности экономики от внешних факторов. Любое государство в той или иной мере зависит от внешних ситуаций, но казахстанская экономика подобной зависимостью перегружена.

Вот самый свежий пример. Узбекистан решил сократить поставки газа. Вероятно, на это были какие-то веские причины. Но посмотрите, как это повлияло на настроения жителей юга нашей республики. Ведь единственный газопровод идет оттуда, и его перекрытие грозит бедой. А между тем природный газ в Казахстане есть, его предостаточно для покрытия потребности республики. Но нет трубопровода. И это снижает устойчивость нашей экономики.

Есть развитая железнодорожная магистраль, но для ее нормальной эксплуатации приходится завозить буквально все вагоны, локомотивы, запасные части.

Таким примерам нет числа. Словом, молодому суверенному государству нужно осмотреться и начать формировать свою национальную экономику. Понятно, это дело не одного дня, но хотя бы контуры такой политики должны уже создаваться и обсуждаться. Вместо этого все свое внимание мы сосредоточили на рынке, рыночных преобразованиях. В последнем нет ничего плохого, но мы должны помнить, что рынок не самоцель, а всего лишь средство для достижения целей. А цели эти должны быть обозначены предельно четко.

По поводу приоритетных программ. Сейчас в ходу обсуждение тринадцати или семнадцати национальных программ. На их реализацию у нас не хватит ни сил, ни ресурсов. Надо бы сосредоточиться на трех-четырех.

Мне представляется, что это сельское хозяйство и связанная с ним пищевая и легкая промышленность. Нефтегазовая промышленность, наша валютная отрасль.

И, в-третьих, наука, образование и культура. Последнее архиважно. Ибо без мощного интеллектуального потенциала нам нельзя будет взойти на следующую ступень цивилизации, даже если мы будем купаться в ресурсах. Именно мощный интеллект в свое время вывел Японию и ФРГ на передовые позиции. Южнокорейское чудо также стало возможным благодаря науке. Да и наш сосед Китай, хотя и проводил культурную революцию, никогда не забывал о необходимости формирования научно-технической интеллигенции высшей пробы. И она сегодня у Китая есть, работает с большой отдачей.

Несколько слов о двухсекторной экономике. Она у нас реальность: есть государственный сектор и нарождающийся частный. Попытки ускоренных преобразований отношений собственности вряд ли обоснованны, в этом мы, кажется, убедились в процессе многочисленных перестроек, преобразовывая министерство в концерны, корпорации и т.п. В результате потеряли управляемость. Вероятно, нужно еще немало подумать о модели двухсекторной экономики. Поднять управляемость госсектора, и когда нужно, то методами прямого директивного воздействия. А в одночасье переделать психологию управляющих госсобственностью вряд ли удастся. Кстати, в программе подчеркивается необходимость усиления роли государства в управлении экономикой. Это положение

я бы одобрил. При этом, конечно, необходимо создавать законодательную базу и все необходимые предпосылки для расширения сферы действия частного сектора. И усиленно готовить для этой цели кадры. Это наша перспектива.

- Управлять экономикой – значит крепко держать в руках экономические вожжи. Является ли наше правительство достаточно искусным возницей государственного экипажа?

- Конечно, правительство всячески стремится улучшить руководство, но некоторые конкретные меры, увы, не представляются мне продуманными. К примеру, сначала ратовали за технологические концерны, затем за государственные концерны, теперь за промышленно-финансовые группы, корпорации, холдинги. Осмелюсь высказать одно сомнение: все эти нововведения навязываются предприятиям сверху. А рынок как раз этого не приемлет.

При рыночной экономике объединения хозяйствующих субъектов начинаются снизу, товаропроизводители и владельцы капитала сами ищут друг друга и лишь при условии выгоды идут на организационные сближения. Вот так бы и нам поступать при формировании многоотраслевых корпораций. В противном случае, боюсь, мы не получим желаемого результата. Многое здесь нужно тщательно продумать: не будет ли размыта отраслевая специализация предприятий, как сделать, чтобы корпорации и холдинги не ориентировались на сиюминутную выгоду, а обеспечивали научно-технический прогресс, инвестировали капитал на длительную перспективу.

Мне думается, нам нельзя слепо копировать структуру управления, создаваемую Россией. Казахстан многократно меньше и по потенциалу, и по количеству хозяйствующих субъектов. Там, где России для нормального управления нужно три-пять министерств, нам может оказаться достаточно одного. К примеру, зачем нам иметь самостоятельные Госэкономкомитет, Госкомитет по имуществу, Антимонопольный комитет? Убежден, что вместо них достаточно иметь одно Министерство экономики. Антимонополистом должен быть не какой-то специальный орган, а министр экономики, который ежедневно принимает экономические решения. Антимонополистами должны быть глава правительства и его заместитель по экономике, которые подписывают те или иные программы экономических преобразований. А то мы создали игрушечный Антимонопольный комитет и заставляем его бороться с сильными мира сего. А он бесправный. Потому что права уже давно распределены между руководителями более высокого ранга. Вот поэтому антимонопольную политику следовало бы вменить в обязанность главы правительства или министра экономики.

Приблизительно то же можно сказать и о Госкомимуществе. И у него мало прав, и не он является законодателем приватизационной моды. Программы приватизации принимаются в других сферах, Госкомимущество является в основном техническим исполнителем. На него только шишки валятся. Так не лучше ли, чтобы процесс приватизации вело более авторитетное ведомство. Скажем, министерство экономики.

И еще один существенный момент. Приватизационный комитет должен быть командой честных людей, это должна быть организация

правленческого типа, члены правления должны отбираться тщательно, гласно, с учетом общественного мнения и из числа наиболее авторитетных в стране людей. Они не должны состоять в штате приватизационного ведомства, не должны состоять в прямой служебной зависимости от председателя правления, если даже это правление возглавит министр экономики. В этом, я думаю, может заключаться гарантия честного, правильного деления госимущества.

И последнее, о чем хотелось бы сказать. У нас совсем не отработан механизм социальной защиты населения. То, как мы осуществляем защиту населения от рыночных "недугов", напоминает действия пожарной команды. Бросаемся туда, прежде всего, где горит. Где происходят забастовки или иные волнения. А требования о социальной защите выдвигает одна отрасль за другой. Это отнимает у правительства очень много времени, оставляя ему слишком мало возможности для занятия другими, не менее важными проблемами. Пора перестать метаться от одной отрасли к другой в поисках защитных мер. Надо еще раз все взвесить и запустить апробированные в мировой практике методы: индексирование доходов населения в соответствии с ростом инфляции. Закон на сей счет Верховный Совет принял давно, и пора бы его ввести в действие.

5 января 1993 г.